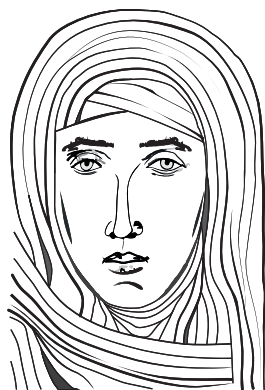

Юлия Сысоева

ИСХОД

Москва, 2026

УДК 281.9
ББК 77

*Допущено к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р26-602-0021*

Сысоева Юлия

С 95 Исход / Юлия Сысоева. — М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2026. — 384 с.

2064 год. После третьей мировой войны человечество приходит к новому мышлению, которое навсегда должно избавить планету от войн, нищеты и преступности. Глобальное правительство действует под лозунгом «Мир и безопасность». Победившая идеология требует абсолютной толерантности и слепого подчинения. Но остались еще малые сообщества людей, в умы которых не смогла проникнуть эта зараза. Их объявили сопротивленцами.

Женский монастырь в пустыне Сонора (штат Аризона) получает от правительства предписание о выселении в северные резервации на Аляске. Ответственность за столь долгий и сложный путь легла на хрупкую женщину, настоятельницу монастыря игуменью Вирджинию. Ей выпал жребий вести своих сестер через охваченную хаосом Америку в неизведанную даль.

Путешествие длиной в полконтинента, где предательство, опасности и смертельная болезнь переплетаются с самым мучительным для каждого человека переживанием – встречей с самим собой, с призраками собственного прошлого, спрятанными в глубоких тайниках человеческой души.

ISBN 978-5-4279-0072-4

Охраняется законом Российской Федерации об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Юлия Сысоева, 2026

© БФ "Миссионерский центр им. иерея Даниила Сысоева", 2026

«И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]. И поставили над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Пифом и Раамсес, города для запасов, [и Он, иначе Илиополь]. Но чем более изнуряли его, тем более он умножился и тем более возростал, так что [Египтяне] опасались сынов Израилевых. И потому Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью» (Исх.1:8-14).

Боже хвалы моей не премолчи (пс 108)

«Я исчезаю, как уклоняющаяся тень; гонят меня, как саранчу. Колени мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука. Я стал для них посмешищем: увидев меня, кивают головами [своими]. Помоги мне, Господи, Боже мой, спаси меня по милости Твоей, да познают, что это – Твоя рука, и что Ты, Господи, соделал это. Они проклинают, а Ты благослови; они восстают, но да будут постыжены; раб же Твой да возрадуется. Да облекутся противники мои бесчестьем и, как одеждою, покроются стыдом своим. И я громко буду устами моими славить Господа и среди множества прославлять Его, ибо Он стоит одесную бедного, чтобы спасти его от судящих душу его» (Пс.108:23-31).

Пролог

«В ту ночь долго не получалось заснуть, а когда я провалилась в зыбкий, бредово-тревожный сон, Бим внезапно истерически залаял. Любитель подремать часов до восьми, послушный и покладистый пес никогда никого не будил среди ночи.

Вставать не хочется: меня все еще терзают причудливые тени и фантомы из медленно отступающего сна.

Шлепнуть по морде тапкой обнаглевшую псину? Я нехотя заставляю себя подняться, кое-как одеваюсь и на цыпочках, взяв поводок, отправляюсь на улицу, предвкушая успокаивающий, влажный, йодистый шум прибоя. Подышу океаном, пробежусь – и засну нормальным крепким сном.

Муж не проснулся от нытья собаки. Странная привычка закладывать уши берушами, живя почти на берегу океана. Когда мы покупали эту квартиру, он говорил, что готов слушать прибой день и ночь, а потом стал затыкать уши. Да, океан никогда не молчит, это стоит учитывать, если собираешься жить на первой линии.

Дочь с зятем спят в своей дальней комнате и тоже не могут услышать скулящего Бима.

Пес с силой тянет поводок, рвется в сторону парка. Я еле успеваю за ним, спокойной прогулки не получается. Сонливость сменяется раздражением. Я ругаюсь на собаку, на себя, на эту нелепую прогулку. В конце концов спотыкаюсь, подворачиваю ногу. Бим нервничает, потом, словно в припадке, падает, прижимается к земле, распластавшись во всю длину, как раненый лев у Хемингуэя. Словно хочет спрятаться. Воеет. Мурашки бегут по моей спине вместе с тревожными мыслями о пропущенной прививке. Неужели Бим заболел? Я склоняюсь над собакой, пытаюсь понять, что с ней происходит. И вдруг земля с гулом уходит из-под ног. Я проваливаюсь, я лечу вниз. У меня кружится голова. Потом я взлетаю, как на батуте, подброшенная неведомой силой. Я падаю. Удар. Затылком. Яркая вспышка в глазах. И все...

Прихожу в себя, но не могу открыть глаза. Слышу, как рядом скулит пес. Он облизывает мое лицо. Омерзение от липкого и мокрого собачьего

языка, горячего и влажного дыхания дрожью проходит сквозь мои звонки. Меня передергивает. Бим же продолжает истерично вскрикивать.

«Фу! Бим!» – кричу на него, с отвращением вытирая лицо рукавом. Терпеть не могу эти слюнявые нежности. С трудом заставляю себя открыть глаза, пытаюсь подняться на ноги. Я была без сознания? Что произошло? Не знаю. Города нет? Или город есть, но его не видно? Повсюду дым и крики.

Деревья в парке наклонились в разные стороны, а земля пошла волнами или провалилась, образовав воронки.

Шум, вой сирен со всех сторон. Может, мне кажется? Галлюцинации, или это мне снится? Я умерла?

Я не знаю, как умирают люди и что чувствуют при этом. Все эти тоннели со светом в конце, видеть себя со стороны или сверху... Как однажды это произойдет на самом деле?

Моя правая кисть обмотана собачьим поводком. Из разбитой головы сочится горячая кровь, волосы прилипли ко лбу и щекам. Мои колени и руки в грязи. Я чувствую горячее, грязь, боль, значит, это не смерть.

Я пытаюсь высвободить руку из поводка, но сильный пес неистово дергает и тянет меня в ту сторону парка, где высится скала. Да, мы там часто гуляем, со скалы открывается прекрасный вид на океан.

Бим рывками тащит меня в сторону горы. Мне остается только бежать за псом, не разбирая дороги, спотыкаясь, напролом через колючки и густые заросли. Наконец мы добираемся до вершины, до смотровой площадки. Пес садится на задние лапы, скуля и трясясь всем телом. Он смотрит в океан. Я тоже смотрю – и не могу найти океан. Обнаженное дно зияет, как открытая пасть голодного монстра. Горизонт бурлит, раздувается, что-то надвигается на нас. Вскоре волной накатывает гул. Океан идет на нас со скоростью несущегося на всех парах поезда.

Пляж, куда люди выходили на прогулки и пробежки, выносили раскладные стулья и фотокамеры, чтобы останавливать мгновение и созерцать перенасыщенные красками закаты, где в синей мгле жгли костры, где ветра раздували паруса, где наслаждались и любили. Свинцово-бурая густая масса нахлынула – и ушла вглубь разрушенного, дымящегося и воющего города, пенясь и бурля, неся с собой кучи мусора и обломков, жадно поглощая все на своем пути. Накатывало бредом, как во время чтения «Улисса». Как в кино, как в недочитанном сценарии, который хочется отложить, не читать, не открывать и не резюмировать.

«Это сон! Незаконченный сон, – говорит мой незнакомый хриплый голос, чужие пальцы сжимают мои пульсирующие болью виски. – Проснись

уже, это просто кошмар, я сплю, я не могу проснуться! Господи, скажи, что это сон!»

Тщетно пытаюсь проснуться – как в детстве, когда кричишь от ужаса, когда летишь в пропасть и изо всех сил пытаешься понять, что это сон. Проснусь, пойду на пробежку с собакой! Я бегу вдоль океанского берега, а на другой стороне за городом восходит ясное, чистое и свежее солнце нового дня...

Но я не проснулась.

Сегодня нет восхода. Солнце задернуло свой лик темными шторами. Вместо рассвета – мутные сумерки, открывшие страшную картину катастрофы.

Я сижу на скале, обхватив голову руками и раскачиваясь всем телом. Возможно, это атомная война. Я выжила, но мне теперь некуда идти, а завтра я умру мучительной смертью от радиации, выплевывая свои кишки. Меня не удивляет эта мысль. На Евразийском континенте – война. Наши уши привыкли к военным слухам. Арабский мир непрерывно грозил своим противникам атомными атаками. Может, это оно?

Я смотрю в сторону моего дома, но не могу найти его. Его нет, он исчез, или я его не вижу? Мне некуда больше идти.

Позже я узнаю. Моей семьи нет. Дома нет. Города нет. Нет жизни, нет счастья. Есть боль и отчаяние. Мы остались вдвоем, я и моя обезумевшая собака, в этом грозном и холодном мире.

Я не помню, как прошли первые несколько месяцев после катастрофы. Мой разум затух, моя память то и дело отключалась. Мы живем в каких-то шелтерах. Психологи со всего мира пытаются всем помочь. Не помогает, легче не становится.

Я виню себя в гибели семьи. Бессловесный пес разбудил меня, увел на безопасное расстояние, затащил на гору, когда пришло цунами. Но тогда, покидая квартиру, я даже подумать не могла, что надо было поднять всю семью, забрать их с собой...

Я торгуюсь. Бим должен был разбудить не меня. Бим ошибся, его ангел велел спасти Мэри. Он перепутал дверь. Это Мэри должна была оказаться на горе вместе со своим нерожденным малышом. А я осталась бы погребенной под бетонными плитами вместе с мужем. Я виновата во всем просто по факту своего существования. Если бы не я, пес разбудил бы Мэри!

Мама умерла в госпитале, успев благословить меня, свою выжившую дочь, старинным крестом, привезенным из России еще в начале этого века. Она держала этот крест на груди, когда ее откопали из-под завалов. Мы

с мамой успели попрощаться. Ее район не накрыло цунами. После смерти мамы я еще кое-как держалась несколько месяцев. Бим не давал мне уйти из этой жизни. После катастрофы мы не разлучались с собакой ни на минуту, я спала, обнимая его лохматую теплую спину. Теперь мне все равно, что собака лежит в моей постели. Все равно. У меня нет постели. Я и собака слились в едином страдании. Мы поседели, обратившись в пепел. Мне говорили, что собаки берут на себя тяжесть скорби. Бим умер от скоротечного рака сердца, найдя последний приют у подножия той самой горы, где спас меня от цунами.

Похоронив собаку, я окончательно потеряла себя. Пришло и мое время выйти из этого бессмысленного круговорота существования. Мне было всего сорок пять. Моя оболочка, носящая слабые остатки дыхания жизни: седая старуха с шаркающей походкой, одетая в безразмерное тряпье из гуманитарной помощи.

Я сижу на кровати, держа в руках пластиковый оранжевый пузырек, и смотрю на этикетку с пляшущими цифрами и буквами. Внутри флакона – мое освобождение, мелкие белые таблетки.

Уснуть и больше не просыпаться. Или проснуться в старой жизни, в ту жуткую ночь, собрать всю семью и отвести их на гору, позвонить маме и сказать, чтобы срочно уходила из дома. Так угасал мой разум в угаре отчаяния.

Соседка по шелтеру вернулась вовремя. Она все сразу поняла. Присела возле меня. Взяла мою руку, сжимающую пузырек с лекарством. Ее ладони прохладны.

«Элен, послушай меня. Ведь мы все умрем когда-нибудь. Обязательно умрем. Ты поживи еще сколько Бог даст. Не торопи события. Ты попробуй! Жить! Бог любит тебя сильно-сильно. И если Он забрал их сейчас, значит, для них так лучше».

Я с криком швыряю пузырек на пол. Таблетки мелким бисером рассыпаются по вымытому линолеуму. Соседка что-то говорит про русский собор, советует пойти туда, к святому Иоанну. Не слушаю ее.

Я давно не слежу за временем, но оно, по слухам, идет.

Однажды во сне я вижу невысокого старика в длинном одеянии, в очках в старомодной оправе, с посохом. Он называет меня не моим именем. «Так бывает во снах, – думаю я. – Когда ты – не ты». Старик касается теплой рукой моей больной головы. Я чувствую тонкое благоухание, напоминающее церковный ладан, цветы и весну одновременно.

Я проснулась. Боли не было. Приток новой, неведомой еще энергии дал возможность подняться с кровати. В то же утро я пешком (транспорт в городе почти не ходил) отправилась в русский собор. У меня появились силы идти.

Я пробираюсь через многочисленные стройки возрождающегося города до тех пор, пока не вижу вдали желтые купола с крестами¹. Собор устоял во время землетрясения и не был разрушен, как и два квартала вокруг него: лишь немного пострадал цокольный этаж, залитый морской водой во время цунами. Воду откачали, и теперь подвал сушили перед покраской.

Служба только что закончилась, народ расходился, во дворе собора раздавали гуманитарную помощь и накрывали горячий обед для всех пришедших. Меня окружило прохладное полупустое пространство храма, я смогла вдохнуть полной грудью – впервые после катастрофы. Новизна чувств открывала передо мной двери. Непривычно, похоже на выход из комы, как бывает на пороге новой жизни. Я создавала кино, я читала это в сценариях, я видела это в сотнях дублей.

Справа – рака святого, обильно усыпанная записками, в которых люди изливают свои просьбы и горе. Эта старая традиция – писать преподобному святителю Иоанну письма – до сих пор жива. Я слышала об этом раньше, а сейчас увидела своими глазами. Я стою на коленях и вижу на мраморном полу капли своих слез, первых, как теплый весенний дождь. Я чувствую на голове руку святого.

«Ты моя». Я вспомнила, что слышала это в своем ночном видении. Я не сказала святому Иоанну ничего, все мои слова унесли слезы, все смыслы и без слов ему понятны. Далеко не все надо облекать в слова. Момент откровения, когда не знаешь, находишься ты на земле или на небе, не знаешь, сколько времени прошло, потому что времени нет. Оно исчезает вместе со всеми заботами и чувствами.

Мое внимание привлекли маленькие брошюры возле свечного ящика, приглашающие посетить женский монастырь Святого Паисия в Аризоне². Они лежали здесь еще до катастрофы и успели покрыться тонким слоем

¹ Собор иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Радосте-Скорбященский собор) – православный храм в городе Сан-Франциско (Калифорния, США), кафедральный собор Сан-Францисской и Западно-Американской епархии Русской православной церкви за рубежом.

² Православный монастырь Святого Паисия. Восточно-православная женская общительная община в Саффорде (Аризона, США), которая следует традиционным правилам сербской монашеской жизни. Монастырь расположен в Высокогорной пустыне Сонора у подножия горы Грэм.

пыли, приносимой с уличных строек. Как странно. В этом храме словно ничего не случилось. Я вышла из церкви, уже зная, что еду туда, в Аризону. Здесь, в разрушенном городе, меня больше ничего не держит. Элен умерла вместе с Мэри и всей семьей.

Старой жизни больше нет.

Я впервые вижу голубое небо и цветущий несмотря ни на что куст. Его ветви обломаны цунами. Он – как ободранная, побитая, но обрадованная жизнью дворняга. Уцелевшие ветви с ярко-пурпурными цветами. Несколько разморенных шмелей, жужжа и перебирая мохнатыми лапами, пикируют на развернувшиеся от тепла лепестки. Куст наслаждается подаренным светом, он словно щурится, подставляя остатки листьев под струи солнечного дождя...»

Часть первая

Из Аризоны (Саффорд) до Монтаны (Миссула)

Глава первая

Аризонская пустыня Сонора³, монастырь Святого Паусия. Среда Страстной недели, 9 апреля 2064 года.

После литургии я вернулась в свою келию, чтобы немного передохнуть. Монастырские дела очень скоро побеспокоят снова. Монастырь готовился к Пасхе, завершались последние приготовления. Приятные предпраздничные хлопоты, но на сердце отчего-то неспокойно.

Молилась, мелодично перебирая истертые шерстяные четки, как пианист перебирает пальцами невидимые клавиши, играя одному ему известную мелодию. Исихия – умная молитва, тайная музыка глубин нашего сердца. Рассеянным взглядом окинула иконы на стенах келии. Солнечный луч, как птица, бившийся в окно, вдруг прорвался сквозь узкую щель в занавесках и замер на светлом золоте старинного латунного креста, привезенного из России моей покойной матерью. Я прикрыла глаза.

Шел семнадцатый год с того дня, как я, Элен Розенберг, потерявшая свою семью в катастрофе, пришла в монастырь. В монашестве получила имя Вирджиния, в честь святой мученицы Евгении.

Свою жизнь я встретила в рыжих кирпичных стенах районного родильного дома на Ленинском проспекте в начале наступившего XXI века.

³ Одна из самых крупных и самых жарких пустынь Северной Америки. Также известна как пустыня Хила.

Детство и юность прошли на тополиных московских улицах. После внезапной смерти отца, мама снова вышла замуж. А когда мне исполнилось шестнадцать, семья по инициативе отца уехала из России в поисках лучшего будущего в совершенно незнакомую для нас Америку. После High School я изучала режиссуру и кинематографию в Бостонском колледже – месте своей мечты. Там нашла гораздо больше, чем ожидала, встретив еще и своего будущего мужа – Мишу Розенберга. Миша – американец в третьем поколении, предки которого уехали из Одессы в смутные времена революционных переворотов. Он почти не говорил по-русски, так как последнюю русскоговорящую бабушку застал еще в раннем детстве. Русский Миша довольно сносно выучил, уже живя со мной.

Мы с мужем гордились своей яркой историей любви, казавшейся другим банальностью и ретроградностью.

Михаил занимался кинематографией – делом, которому отдал всю свою жизнь, я с увлечением работала в должности сценарного редактора. Мы настолько любили свою работу, что, обсуждая профессиональные темы, могли забывать обо всем.

Бог подарил нам единственную дочь Марию, по-домашнему звали ее Мэри. Она окончила колледж, работала, вышла замуж, как говорила, по головокружительной любви. Новость об ожидании первенца стала для нас всех восторгом. За пару лет до замужества дочери в семье появился четвероногий друг – золотистый ретривер по кличке Бим, любимый всеми за веселый и легкий нрав. Наша квартира в одном из лучших районов Сан-Франциско, всегда наполненная легкими шагами ветра, радовала мирными видами просторов Тихого океана. Моя мама в то время жила в маленьком домике тихого цветущего пригорода, коих несчитанное количество было раскинуто по холмистой местности западного побережья. Мы наслаждались полнотой текущего мгновения без мыслей о будущем и сожалений о прошлом.

Землетрясение за несколько минут разбило тонкий хрусталь нашего благополучного и безоблачного бытия.

Семь мощнейших подземных толчков почти полностью разрушили прекрасный Сан-Франциско и половину Калифорнии, многократно превзойдя последнее мощное землетрясение 1906 года.

Разлом Сан-Андреас⁴, о котором за последнее столетие говорили все, на этот раз очень громко заявил о себе, лопнув, словно обветшалый шов на штанах толстяка. Вслед за разломом знаменитый мегавулкан Yellowstone⁵ пробудился от многовекового сна и заревел. Нет, он не взорвался, он грозно выпустил наружу тонны перегретого пара, а потом из него, как зубная паста из тюбика, медленно и лениво поползла адская начинка из огненной лавы. Она заполнила древнюю кальдеру как озеро, горящее огнем и серой. Прекрасный заповедник с гейзерами и горячими источниками исчез навсегда менее чем за сутки, превратившись в стомильную зону отчуждения.

За пару дней до извержения парк покинули все животные, малые и великие, от реликтовых бизонов до мелких грызунов. Откуда они узнали? Возможно, у них свои источники информации, недоступные человеку. Парк закрыли для туристов, эвакуировали сотрудников и жителей близлежащих деревень, боясь паники и слухов, стали ждать. Сейсмостанции во всех тектонически активных точках мира подозрительно молчали, дружно проснувшись, как в фильме-катастрофе, за пятнадцать секунд до первых толчков в многомиллионном Сан-Франциско. Извержение и землетрясение произошли не прогнозируемо. Древний вулкан, видимо, был разбужен лопнувшим разломом. Многие вулканы, спавшие столетия, тоже проснулись, прочистили свои меха, откашлялись, выбросив столбы дыма, пепла и камней, и запыхтели, как разогревающиеся паровозы в паровозном депо, готовые выйти в путь.

Глава вторая

Ум по привычке неудержимо стремился туда, где остались мои близкие. Разум, уходящий в прошлое без необходимости, чужд настоящему. Тот случай, когда память превращается в искусство фантасмагории.

Я слышала каждый свой вдох, пытаюсь сбросить тяжесть воспоминаний, отвлечься на обыденные заботы. Я переключила внимание со своих воспоминаний на насущные хлопоты.

⁴ Расположен в Калифорнии, США. Является частью тектонической границы между Тихоокеанской плитой и Североамериканской плитой. Протяженность примерно 1200 километров (750 миль).

⁵ Йеллоустон, Йеллоустонская кальдера – вулканическая кальдера в Йеллоустонском национальном парке на северо-западе США. Кальдера представляет собой чашу размером 55 км на 72 км, она занимает треть территории одноименного национального парка.

Странный год начался со странного Рождества: пустыню на три дня замело снегом по колени, словно укутав ее в саван. Сейчас явилась и необычная пышная весна.

В этом году на Пасху паломников очень мало, не то, что в прошлые годы. Утром разместились несколько женщин, точно их не запомнила. Мужчина с мальчиком лет восьми-десяти. Кого-то этот мальчик мне напомнил. Не важно. Обычно к Пасхе монастырь переполняется, но почему-то не в этом году. И хорошо, все к лучшему. Не всегда радуешься многолюдству. Скорее наоборот. Хочется и радость с другими разделить, и побыть в тишине. Такая дилемма. Страстная неделя только началась, впереди насыщенные, напряженные службы, а потом Пасха. Обычно испытываю страх перед наступлением Страстной недели, перед этой неосознанной необходимостью пережить страдания вместе с Христом. Перенестись туда, в то время, в Иерусалим, на Голгофу.

Наш любимый с Мишей режиссер так точно передал боль этих страданий. Именно боль. С некоторых пор боль стала запрещенной. Человек не должен ее испытывать, даже если ему на самом деле больно. Человек должен отрезать мозг от нервов, должен перестать чувствовать, должен находиться в комфорте и безопасности. Только мы не рассчитываем на комфортное существование: ведь его, как правило, не бывает.

Тревоге и усталости свойственно накапливаться. Неопределенность в жизни вызывает тревогу, которая забирает силы. Усталость не дает мыслить, разум плывет по течению. Всегда это замечала, когда силы на исходе. Ожидание неизбежного, понимание, что нельзя расслабляться, и еще большее утомление, и отрицание худшего сценария. Когда психика говорит: «не сейчас», «не тронь меня». Словно стоишь над пропастью, надо прыгать и лететь, но не сейчас, еще немного, еще пять минут, хотя бы две минуты, хотя бы один вдох... Это не страх, нет, это безысходность. Когда кажется, что не можешь двигаться, не можешь жить, дышать, а хочешь погрузиться в сон разума, уйти от неизбежности.

Тревога нарастала все больше с каждым годом. Она шла словно из недр земли, из Инферно. Нет, не последние заморочки правительства возбуждали эту тревогу, а ожидание начала больших бедствий, тех, что сковывают сознание, парализуют волю. Ожидание. Выбор между Христом и миром становился слишком трудным, если относиться к жизни привычно просто и рационалистически, думая, что ошибки не несут глобальных последствий.

Новое религиозное мышление. К нему нас двигали годами, шаг за шагом. Оно привело к нивелированию самого смысла и сути покаяния.

Приходи таким, какой ты есть, а мы обязаны принять это. Не покаяние для спасения души, а принятие греха как нормы, как бы полное упразднение греха, стали называть христианской любовью. Новый мир – мир Фауста, лишенный каких-либо моральных ограничений. Мир свободы богоотступничества. Мы это увидели.

«Иди и больше не греши», – так сказал Спаситель женщине, спасенной от побивающих камнями. Сейчас же скажут: «Иди и делай как раньше, как хочешь, все будет хорошо». Подмена понятий и попытка усидеть на двух стульях привела многих к номинализму, иссушающему, словно печным жаром, живую влагу веры. Мы не заметили, в какой момент грамматика стала важнее души. Спор за душу Иова с Сатаной – это спор о том, сохранит ли Иов веру, если у него все отнять, а спор за Фауста между Богом и Мефистофелем – о том, что Фауст ни перед чем не остановится в своем стремлении обрести сверхзнания.

На деле это обернулось запретом самой возможности покаяния, попыткой через запрет таинства проникнуть в сердца людей, санкциями к тем церквям, которые продолжали принимать кающихся. Новые гонения пришли в мир мягкой кошачьей поступью.

Нас, несогласных с новым религиозным мышлением, назвали «сопротивленцами», с каждым годом все жестче и жестче притесняя основные мировые конфессии. Но те, что сдались под натиском давления, согласившись с провозглашенными мировыми человеческими ценностями и признав их, сейчас в еще более худшем положении.

Рваные мысли всегда приходят перед погружением в сон. Мыслям не за что зацепиться, они скользят, словно альпинист по ледяной стене. Одна сменяет другую до тех пор, пока мозг, перегруженный информацией, не начинает отключаться. Я не могла больше сопротивляться падению в сон, новый вдох унес сознание в тень. Тяжесть, словно свинцом, вдавила меня в кресло и потянула вниз, глаза закрылись, мысли растворились.

Глава третья

Из ступора меня вырвал визгливый, как скрежет тупого гвоздя по стеклу, звонок телефона внутренней связи. В ту же минуту в келию без стука и положенной молитвы ворвалась раскрасневшаяся и взъерошенная, с выбивающимися из-под платка волосами инокиня Ангелина.

– Матушка, – задыхаясь от бега, закричала она, – матушка, беда! Матушка, беда!

Я резко вскочила с кресла, едва не потеряв сознание: голова закружилась, в глазах потемнело. Прижав холодные пальцы к пылающему лбу, еле слышно спросила:

– Что случилось?

– Военные, очень много военных у ворот монастыря! Звонили в домофон, требовали немедленно открыть ворота, говорят, что у них какое-то предписание и... и... что они уполномочены войти на территорию и без разрешения! Я сказала, что здесь частная территория, а они сказали, что если я немедленно не открою ворота, то они войдут силой и это будет расценено как сопротивление и препятствие... – Ангелина захлебнулась воздухом, хватая его ртом, как рыба, выброшенная на берег, и, выкатив в ужасе глаза, закачала головой.

– Спокойно, Ангелина, не надо так кричать.

Я сдавила пальцами пульсирующие виски, пытаюсь унять головокружение, и всмотрелась в экран монитора. Монастырский двор и парковка для паломников быстро заполнялись военными джипами и вооруженными солдатами, как заполняется водой бассейн из открытого пожарного гидранта.

– Сейчас мы к ним выйдем. Зови Тамару и Ксению, они пусть тоже выходят со мной. Остальным скажи сидеть по местам и не выходить, что бы ни случилось. Надеюсь, военные приехали с какими-то пустыми формальностями, – бросила я, стремительно выходя из келии. Успокаивая Ангелину, понимала, что на этот раз пустыми формальностями вряд ли обойдется.

Из первой машины выпрыгнул высокий, крупный командир с закрытым балаклавой лицом.

– Кто здесь главный? – прокричал он грубо, обводя недобрый взглядом четырех монахинь.

– Я, игуменья Вирджиния, – выступила вперед, стараясь сдерживать волнение. По крайней мере не показывать его ни перед сестрами, ни тем более перед представителями власти.

– У нас для вас предписание! Я, Джейсон Смит, Unit commander with the Constitution Defense Agency, уполномочен ознакомить вас с предписанием правительства Global Free States Association, обязательным к немедленному исполнению.

После третьей мировой войны человечество, пресытившись войнами и конфликтами, признало главной ценностью мир и безопасность. Но последовало за этим вовсе не мирное и свободное существование. Еще большее зло охватило разумы людей.

«Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве, и не избегнут»⁶.

Для восстановления изнуренной войной цивилизации и прекращения всех противоречий и столкновений, при поддержке прогрессивной общественности и крупных корпораций образовалась Global Free States Association (GFSA) или, Международная Организация Свободных Государств (МОСГ), – так гласили многочисленные пропагандистские лозунги, убеждающие планету, что только единством и объединением всех держав возможно прекратить насилие как явление. Искоренить его полностью.

Военные, перекрывшие вход в монастырь, замерли по стойке *safehang*, командир открыл планшет и стал зачитывать предписание. Порывы горячего, пахнущего терпкими травами пустынного ветра понесли клубы пыли в сторону церковной базилики. Зашелестели, а потом внезапно замерли кроны деревьев, словно прислушиваясь к происходящему. Лишь собаки не желали молчать, заходясь яростным лаем в своих вольерах. Монастырь в дикой Аризонской пустыне, населенный двумя десятками безоружных и беззащитных женщин, вынужден был держать собак. С наступлением темноты койоты, гиены, гигантские ящерицы, пустынные львы и пумы, обитающие в здешних безводных местах, выходят на охоту. Собаки исправно несли ночную службу, охраняя всю территорию по периметру от пустынных голодных хищников и от лихих пришлых людей.

Командир отряда никак не реагировал на нарушителей тишины. Кажется, это терминатор, вышедший из культового фильма конца восьмидесятых. На самом деле он человек, который просто выполняет свою работу, как любят говорить американцы. Вечером дома, как в голливудском клише, его ждет любимая жена и двое милых детей, и он скорее хочет отделаться от этого каждодневного, по горло надоевшего дерьма.

После формального представления полномочий и нескольких многозначительных пауз командир наконец зачитал само предписание, выданное сегодняшним числом монастырю и всем его насельникам. В документе говорилось, что монастырь, пять лет назад получив статус сопротивленческого, так и не предоставил контролирующим органам резолюцию

⁶ 1 Фесс. 5:2,3.

толерантности, по которой мог вернуть себе легальный статус религиозного заведения. Из этой витиеватой терминологии (а новые власти очень любили сложную риторiku) следовало, что время, данное на признание законов толерантности, на реабилитацию и снятие поражения в правах, истекало с сегодняшнего дня.

Я и три монахини застыли перед военными. Ветер теребил полы наших одежд. Мы пытались уловить смысл зачитываемых фраз.

– В связи со всем вышесказанным выходит новое предписание. Все проживающие в монастыре, называющие себя насельниками, послушниками или гостями, не могут больше находиться на данной территории. Гости могут быть свободны. Насельники обязываются переселиться в зоны отчуждения. Вам выдается предписание в двадцать четыре часа покинуть монастырь. Церковная собственность и земли подлежат государственной секуляризации. Вы имеете право взять с собой личные вещи, провизию и хозяйственное имущество, а также транспортные средства для перемещения к пункту назначения. Международным бюро перемещений вам будет выдана заверенная маршрутная карта. Маршрутная карта сегодня появится на электронной учетной странице вашего монастыря, – офицер продолжал зачитывать документ.

После войны в мире появилось еще одно цифровое бюро слежения за перемещением граждан. Если раньше можно было путешествовать по планете, не ставя никого в известность, то теперь новая власть нагородила диспетчерских пунктов, куда граждане обязаны были подавать заявку на перемещение свыше ста миль дальностью.

«Безопасность превыше всего», – говорили власти. Все делалось для блага человечества и человека. Идешь в диспетчерский центр, регистрируешь маршрут и едешь, получив разрешение и маршрутную карту, как раньше в авиации.

Далее офицер зачитывал возможные зоны отчуждения, которые начинались на севере Канады, начиная с южной границы Аляски, уточнял, что монастырь выселяют именно на Аляску, и что при пересечении границы отчуждения монастырь получит точные координаты места проживания. Возвращение за границы отчуждения запрещено и невозможно.

– В случае неповиновения, – продолжил командир, – все находящиеся и оставшиеся в монастыре вне зависимости от возраста и гражданского статуса подлежат физической ликвидации. Какие-то вопросы? – сухо обратился он ко мне.

– Да, сэр, – произнесла я чужим, странно глухим голосом. – Правильно ли я поняла, что мы не можем оставаться на своей частной территории? – Сердце билось, но я старалась не выдавать волнения.

– Да, мэм, все верно. Сейчас вы получите предписание и еще раз подробно с ним ознакомитесь.

– А если мы примем решение остаться?

– Еще раз повторяю: все оставшиеся будут подлежать физической ликвидации. Поверьте, мэм, сопротивление бесполезно, вам лучше не идти на такой необдуманный шаг. Сохраните свои жизни. Правительство дает вам последний шанс, стоит им воспользоваться.

– Да, сэр, я поняла. Мы можем собрать вещи, сесть на свой транспорт и следовать по маршрутной карте на Аляску. Раньше границы отселения мы не имеем права оставаться жить. Все верно?

– Все верно, мэм, остановки допускаются только для отдыха по пути следования. Маршрутные удостоверения, которые будут подтверждать ваше легальное перемещение, вы получите в течение этих суток на электронную страницу учета вашего монастыря. Они дают гарантию беспрепятственного прохождения всех блокпостов на пути следования. Хорошего дня, мэм, и счастливого путешествия.

– И вам, – в растерянности, чуть слышно произнесла я.

Командир привычным прыжком вскочил в свою машину, дал знак другим – и кортеж, поднимая клубы пыли, с ревом вылетел за монастырские ворота.

Ветер принес запахи сухих трав, свежих цветов и многоголосье пустынных птиц, воспевающих пустынную весну, и унося пыль и вонь выхлопных газов. Уставшие от лая собаки разом умолкли.

Глава четвертая

Шестнадцать лет назад в такую же цветущую пору я приехала сюда попуткой из Тусона. К воротам монастыря на своем ржавом пикапе меня подвез мой будущий друг Гонсалес. Я не думала оставаться в монастыре надолго, я вообще ни о чем не думала. Планов на жизнь не было. Когда жизни нет, то нечего планировать. Тогда ко мне только-только, робкими шагами начинали возвращаться цвета, запахи, звуки природы. За прошедшие после катастрофы месяцы я почти отвыкла от них. Всякий раз удивлялась, когда что-то начинала ощущать заново. Это было похоже на

отходящую анестезию после удаления зуба – сначала не чувствуешь ничего, а потом постепенно начинает отпускать.

Я пришла в монастырь на Пасху 5 апреля 2048 года, спустя восемь месяцев после гибели семьи.

Буйство красок цветущей пустыни растапливало лед, сковавший мою душу. Тот год, как и нынешний, был годом особого цветения. Такое в пустыне встречается раз в несколько лет. Та самая редкая вспышка, когда словно по сговору зацветает все, что может цвести, играя всеми оттенками симфонию торжества жизни, ее возрождения, когда всякое дыхание и всякое биение жизни громогласно славит своего Творца.

«Я стою возле закрытых ворот монастыря, пытаюсь впитать тепло уходящего дня, а на самом деле тяну время, не решаясь нажать на никелированную кнопку домофона. Ворота, закрывшись за моей спиной, окончательно разделят меня с моим прошлым, они отрежут его от меня, как ножницы. Но какая разница, если я все равно умерла? Мертвых не режут. Или я сегодня шагаю в новую жизнь? Кнопка звонка смотрит на меня своим зеркальным глазом и, должно быть, не может понять, почему я медлю. Я смотрю на солнце, которое стремительно уходит за синеющую гору, проваливается туда, как в колыбель, протягивая ко мне последние розовые лучи. Я нажимаю кнопку домофона. Играет мелодия. Я надеюсь, что мне не ответят, меня не примут. Я развернусь и пойду назад по темнеющей дороге, до ближайшего мотеля... Мне открывают. Я делаю шаг, еще шаг – не оглядываюсь назад. Я слышу, как сзади тихо закрываются ворота, а впереди шумят эвкалиптовые деревья, потревоженные порывом теплого ветра.»

– Тамара и Ангелина, – обратилась я к сестрам, – собирайте всех в храме на молебен, а я пойду будить отца Роберта.

В прошлом году отца Роберта прислали служить в женский монастырь. Он был стар и слаб, но со службами все еще справлялся. Щуплый, маленького роста старик с седой, аккуратно подстриженной докторско-профессорской бородкой.

– Отец Роберт, молитвами святых отец наших... – громко постучала в дверь маленького домика, спрятанного под раскидистыми эвкалиптами.

В ту же секунду дверь распахнулась, и на пороге возник священник – в дорожных ботинках, но с епитрахилью. Ожидала увидеть его заспанным после отдыха, думала, что придется долго стучать, а отец Роберт может и не открыть. Последнее время он часто запирался в своей хижине и почти не выходил из нее – якобы по старческой немощи. Даже на трапезу редко

оставался, уходя после службы к себе и не появляясь до самого вечернего богослужения. Сестры приносили священнику еду прямо в келию, он не открывал, пищу ставили на порог и уходили. Убедившись, что за дверью никого нет, отец Роберт приоткрывал дверь, высовывал в узкую щель руку и быстро забирал кушанье. К его затворничеству относились с пониманием, связывая его с возрастными чудачествами.

– Я здесь! – торжественно произнес отец Роберт, поднимая руку для благословения. – Я ждал этого момента, – еще торжественнее, словно выступал на сцене театра, добавил он. – Идемте. Восхождение на Голгофу началось! Трудный и тернистый путь, но нам предстоит его пройти. Надеюсь, цирк уехал? – Священник хитро подмигнул правым глазом, сменив пафосный тон на заговорщический. – Жаль, вы не спустили на этих мерзавцев своих верных псов. Вот они задали бы сукиным сынам хорошую трепку. Надрать бы им задницу!

– Вы все юродствуете, отец. – В носу у меня зашекетало, как бывает, когда хочется заплакать. Хотелось сползти по стенке от бессилия. А лицо священника сияло восторженной улыбкой беззаботного ребенка.

– Я ждал этого момента, я жаждал его. Не плачь, дочь моя, – театрально закидывая руки, с отчерченной дикцией сказал отец Роберт.

Мы поспешили в храм, где в тихом недоумении уже собрались все сестры, послушницы и паломники...

– Дорогие мои, я не буду долго говорить. Мы получили предписание от властей и должны покинуть монастырь в течение суток...

Послышались всхлипы и вздохи. Я подождала, пока все умолкнут, перевела дыхание, пытаюсь собраться с силами.

Кажется, по моим щекам потекли слезы. Я не плакала много лет, с того самого времени катастрофы, когда первый раз расплакалась в соборе, стоя у мощей святого Иоанна Шанхайского. Справившись с дыханием, я вновь заговорила:

– Нас выселяют на Аляску. Это уже точно. Всех сопротивленцев власти выселяют в северные земли. Вы вправе уйти из монастыря сами, вы не обязаны разделять наш путь. Кто не готов идти с нами, тот свободен с этой минуты... – Я запнулась. – Мы – странники и пришельцы на земле, теперь и изгнанники... Да, это неожиданно, но мы как монахи должны были быть готовыми к этому, потому что нам нет места в этом мире. Все делается для спасения... И простите меня, если чем-то кого-то обидела. Давайте помолимся и приступим к сборам.

На молебне все тихо плакали, даже юродивый отец Роберт стоял с покрасневшими глазами. Вопросы, оставшиеся без ответа. Надежда, что после молитвы придет ясность. Иллюзии, что это недоразумение скоро само разрешится. Все это словно висело в пространстве между круглыми сводами палевых стен нашей любимой базилики. Внезапно вспомнились строки из Блока:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели⁷.

В храме ко мне подошла одна приехавшая семья, три послушницы и одна сестра, выразившие желание ехать домой. Потом мужчина с мальчиком.

– Матушка-игуменя, благословите с вами ехать, мы на своей машине. У нас почти новый трак повышенной проходимости, еще и груз поможем взять, – слишком бодро для такой ситуации отрапортовал паломник. Казалось, он предвкушает надвигающиеся приключения, как дети ждут долгожданного похода или каникул.

«Мужчина с ребенком... с нами?» – Я удивленно посмотрела на отца и сына.

Обычный монастырский богомолец средних лет, с виду – простой работяга, крупный, коренастый мужичок с медвежьей неуклюжестью. Его лицо не выражало ровным счетом никакой тревоги.

– Я понимаю ваше недоумение, – торопливо продолжил гость, – но если вы нас готовы взять, то мы едем с вами. Вам нужны мужские руки, а там, где творят такое беззаконие... Мы туда больше не вернемся, – сбивчиво объяснял он. Его сумбурная речь выглядела не очень убедительно, но допытываться до истинных причин его решения мне было некогда.

– Как ваше имя, простите, я не помню всех, – спросила я.

Мне показалось, что он выглядит надежно. Его добрые глаза внушали доверие. А может быть, я просто принимала желаемое за действительность. Хорошо бы спрятаться за такого в случае опасности, а то и переложить на его плечи часть ответственности. Возможно, это впечатление было внушено мимолетной женской слабостью, опасением, что будущие события окажутся нам всем не по силам. Так проявляется то самое упование на людей, за которое так хочется цепляться, как за спасительную соломинку.

⁷ Строки из стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...» Александра Блока, написанного в 1905 году.

– Майкл. Михаил... и отрок Даниил, – произнес мужчина по-русски, – паломники из Денвера, Колорадо.

– Вы говорите по-русски?

– Если трошки, то могу, – с улыбкой ответил Майкл, понимая, что его берут в поход.

Моего покойного мужа звали Михаил, а нерожденного внука хотели назвать Даниилом. Я сильно надавила пальцами на виски и снова проследзила. Из-за спины Майкла выглядывал худощавый белокурый мальчик с большими, немного навывкате серо-зелеными любознательными глазами. Его щеки были усыпаны еле заметными веселыми веснушками, прямой ровный нос, тонкие губы, а личико казалось фарфоровым. Не мертвенным, как у кукол, а воздушным, полупрозрачным. Просвечивающие сосуды на висках, еле заметная тень под глазами только подчеркивали тонкость кожи. Что-то неуловимо аристократическое или ангельское было в этом ребенке, то, чего совершенно не наблюдалось в его отце, простоватом и незатейливом на вид.

Мальчик вновь спрятался за спиной отца, и видение исчезло.

– Да, я сказала, что каждый решает сам, мы не будем никому отказывать или отговаривать. Вы – взрослый человек, это ваше решение. Вы сами понимаете, насколько все сложно и мучительно, а возможно, и смертельно опасно. Я уверена, что вы все обдумали, – говорила, в глубине души уже желая, чтобы Майкл и его мальчик поехали с нами.

– Спасибо, матушка, мы постараемся оправдать ваше доверие. Обратного в мир мы не вернемся. Сказано, что не возвращайся взять одежду свою. Я только сейчас прочитал в сети: выселяют всех христиан и все христианские приходы, не признавшие новый закон о толерантности. Так, что и нас, мирян, рано или поздно попросят на выход.

– Вы сказали, уже сейчас выселяют? До нас новости так быстро не доходят, – переспросила я, пытаюсь сосредоточиться. Пульсирующие второй час виски не давали покоя.

Майкл достал планшет, вероятно, желая показать новости, но меня перехватила Ангелина со списком вещей для сборов.

– Да полно тебе, Ангелина, не время обсуждать все до мелочей, остальное к Тамаре. Времени мало, а мне еще надо заехать к Гонсалесу.

И направилась к своему старенькому джипу.

Глава пятая

По пыльной узкой дороге я выехала из монастыря в сторону ранчо своего старинного друга Самуэля Гонсалеса. Монастырская дорога так и не была асфальтирована. Монахини каждый год думали об этом, но не стали тратиться напрасно. Решили, что нет легкого пути в спасительную обитель. Всех это устроило. Все равно асфальт тяжело приживается на жаре в пустыне.

Мысли вновь унесли меня на семнадцать лет назад. Тогда стояли совсем другие времена: последние вдохи свободы вероисповедания. Вера людей крепилась. Казалось, мир очищается после войны, череды стихийных бедствий и эпидемий... но нет. Это оказалась просто передышка, оттепель, затишье перед новым рывком зла в мир. МОСГ утвердил Новую Конституцию с так называемым законом о толерантности, который обещал быть каретой, а стал гнилой тыквой.

Самуэль, как всегда, принял меня, свою добрую знакомую, с радостью. Увидев, что я выхожу из машины, он расставил руки и заковылял по дорожке навстречу. Гонсалес был уже стар, но еще бодро держался, ходил без палочки. Ранчо давно управляли его сыновья, но последнее слово в семье все равно оставалось за ним.

Мы прошли в просторную прохладную кухню. Самуэль усадил меня в кресло и тревожно посмотрел из-под лохматых седых бровей. Мне нравился запах этой кухни: что-то очень родное, домашнее, как в деревне у бабушки.

– Что-то случилось, *abadesa*⁸? Догадываюсь, пожаловала не с добрыми новостями? – Сэм закашлялся.

– Беда. Приехала просить у тебя помощи... и, наверное, попрощаться.

Только сейчас я заметила, как сильно Гонсалес постарел. Лицо изрезали глубокие морщины, появились мешки под глазами, цвет смуглого лица сделался сероватым. В прошлую нашу встречу Сэм выглядел гораздо лучше.

– Тебе воды со льдом и лимоном? Или чего покрепче?

– Сэм, я в порядке.

– Значит, воды.

Протянув полный стакан воды со льдом, Гонсалес напряженно присел напротив в плетеное из ротанга кресло.

– Уже догадываюсь, что произошло: здесь слухи ходят быстро... Все было очевидно. Говорил я тебе, *abadesa*, еще пару-тройку лет назад: откажитесь от этой принципиальности, все равно не устоите. Вспомни, *abadesa*, кто снимал Иисуса с креста? Иосиф Аримафейский – тайный ученик, тайный, подчеркиваю, и Никодим тоже был тайным. – Сэм многозначительно поднял вверх указательный палец. – А те кто были явными, те разбежались,

⁸ Настоятельница (исп.)